

Юлия Климова

КОМЕДИЙНЫЙ

любовный роман

ОРУЖИЕ
МАССОВОГО
ВОСХИЩЕНИЯ

Юлия Климова

Оружие массового восхищения

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165701

Климова Ю. Оружие массового восхищения: Роман : Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-28238-8

Аннотация

Она – охотница. Ее оружие – фотоаппарат. А еще оптимизм, уверенность в себе и неиссякаемое чувство юмора. Да, Алиса – папарацци. Певцы, актеры, продюсеры легко попадают сначала в прицел ее объектива, а затем – на страницы желтой прессы. Для нее нет ничего святого, ее нельзя ни поймать, ни перевоспитать – на сто процентов уверена Алиса. Но вдруг в ее жизни появляется мужчина, который считает иначе. Хитрая bestия ловко водит его за нос... но неожиданно сама попадает в расставленные для нее любовные сети...

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	33
Глава 3	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Юлия Климова

Оружие массового восхищения

Запах сводил с ума. Густой, тягучий – он вылетал из окон и щелей стеклянного ларька, проскальзывал мимо двух круглых столиков и устремлялся не в сторону проезжей части, а, как назло, к жилым домам. Он бессовестно дразнил аппетит, тянул за руки, за ноги и настойчиво обещал продолжительное наслаждение.

– «Горячие блинчики», – прищурившись, прочитала Алиса и, тяжело вздохнув, перевела взгляд на подъезд высоченной башни. В животе заурчало, во рту увеличилось слюноотделение и появился сладковатый привкус надежды. – Ну, где же ты...

Вот уже второй час Алиса Бестужева дежурила в зарослях акации и сирени. Терпение подходило к концу, а восходящая звезда эстрады Мэри Лив не появлялась. Два дня назад за триста рублей у болтливой вахтерши удалось узнать, что именно сегодня «нахальная солистка» отправится на гастроли по «городам и селам» и приблизительно в девять утра покинет свою квартиру, дабы с чемоданами в окружении телохранителей проследовать на вокзал. Девять часов давно остались позади, а успешной звезды (да не будет у нее ан-

шлагов до глубокой старости!) все нет и нет.

– Неужели перед зеркалом крутится... зараза, – нахмурилась Алиса и, ища сочувствия и поддержки, с любовью посмотрела на фотоаппарат.

Цифровая зеркальная фотокамера полупрофессионального класса уже год являлась другом и помощником, побывав во многих переделках вместе со своей хозяйкой. Кому же доверять свои волнения и думы, как не ей? Черная, матовая, красивая... Пять кадров в секунду – такая не подведет. И не тяжелая – шею не тянет, не слишком мешает при быстром беге...

– Мэри, только прошу тебя – никакой косметики... на фи-га тебе тушь и помада... не огорчай меня, певица ты наша... народная.

Как же пахнет блинами, как же пахнет! Алиса поджала губы и запретила себе поворачивать голову в сторону ларька. Воображение настойчиво изобретало всевозможные начинки и столовой ложкой накладывало их на нежное промасленное лакомство – еще немного, и ноги сами понесут ее напрямиком к сытному завтраку. Нет! Нет! Нельзя покидать пост! Стоит расслабиться, отойти на минутку, как по закону подлости Мэри Лив прошмыгнет мимо, и тогда – прощай, заработок, и простите, напрасные часы ожидания.

– Вот она, – выдохнула Алиса и победно улыбнулась.

На крыльце подъезда появились четверо: два высоченных парня, сухонькая, чудно одетая женщина (в руке металличе-

ский чемоданчик... скорее всего визажист и мастер по причёскам) и собственно сама звезда – ладная кукла по имени Мэри Лив (наверняка еще совсем недавно была какой-нибудь Машей Ивановой или Сидоровой).

– Ненакрашенная... – произнесла Алиса, и выражение ее лица стало довольным и хищным одновременно. Палец мгновенно оказался на маленькой гладкой кнопке. – Спасибо тебе, спасибо...

Вскинув фотоаппарат, Алиса мысленно пообещала себе слопать сразу три блинчика (чуть позже), задержала дыхание, замерла и...

– Эй! – раздался громкий и резкий голос одного из представителей охраны. Парень поднял руку и бросился в сторону акаций и сирени. – Я тебе снимаю! Я тебе сейчас так снимаю! Да я тебе, урод, голову откручу!

Упс... Кажется, ее застукали... Черт! А место, выбранное для засады, казалось таким надежным!

Две секунды хватило на то, чтобы внутренне собраться – Алиса отпустила фотоаппарат (он повис на мягком кожаном ремешке), запахнула черную ветровку, застегнула «молнию» до горла, натянула бейсболку на нос, развернулась и побежала изо всех сил к арке противоположного дома. Там, рядом с продуктовым магазином, находится крытый рынок – ряды с овощами, фруктами, соленьями, парным мясом, домашними сырами, сметаной... Есть отличный шанс смешаться с толпой и оторваться от преследователя, выскользнув на улицу

через другие двери. А если не получится – ничего не поделишь, – придется продолжить вынужденный кросс: петлять, оборачиваться и трястись.

– Стой! Все равно догоню! – неслось в спину. – Стой! Я тебе руки-ноги перелломаю!

«Прошлый раз обещали зажарить живьем и съесть», – мелькнуло в голове Алисы, и она увидела долгожданный главный вход рынка.

Нет, не нужны ей блинчики, лучше купить черемшу, сало и мягкий черный хлеб... маринованный чеснок, топленое масло, спелые помидоры, кровяную колбасу, инжир, медовую курагу, поджаренный кешью, копченую курицу, сулугуни, тонкий лаваш...

Все это мелькало перед глазами Алисы, а в животе то булькал голод, то подпрыгивал страх.

Свернув к рядам с халатами, ночными рубашками и нижним бельем, она притормозила и юркнула за палатку с игрушками. Молниеносно сняла двустороннюю ветровку, вывернула ее на голубой цвет, надела, вновь застегнула, пряча фотоаппарат, и сняла бейсболку... На плечи и спину упала ярко-оранжевая копна вьющихся волос – мелкие и крупные кудри вперемешку.

– Попробуй теперь меня найди, – усмехнулась Алиса, спокойно покидая свое убежище. Она подошла к крайнему прилавку, с интересом посмотрела на махровые полосатые носки и спросила продавца: – А такие сколько стоят? – Подняла

голову и увидела телохранителя Мэри Лив. Он стоял посередине рынка и разочарованно озирался по сторонам. Похоже, на этот раз повезло не ему...

– Пятьдесят рублей.

– Беру, – кивнула Алиса и, сунув руку в карман, подумала: «Надо же себя побаловать после неудачной фотоохоты... эх, и до чего же тяжела жизнь самого обыкновенного папарацци...»

Глава 1

«Я красивая?» – спросит Алиса.

«Ну и пошел он к черту», – скажет Дана.

3 августа – пятница

День сплошных неприятностей

Намазав на мягкий кусок белого хлеба вареную сгущенку, Алиса блаженно улыбнулась. Наконец-то она поест! И поест вкусно!

– Ну, давай же, давай, – подбодрила она чайник, и тот, закипев, издал приятный щелчок. – Молодец! Можешь, когда захочешь!

Удобно устроившись в кресле перед телевизором, Алиса поставила горячую чашку на низкий журнальный столик и с удовольствием откусила бутерброд. М-м-м... Невероятная вкуснота! Вареная сгущенка – это то, что мамуля отлично готовит. Положит в большую кастрюлю сразу пять банок, зальет водой, отправит на плиту, заведет таймер на два с половиной часа и – приятного аппетита! Вот он – вкус праздника, вкус счастья, вкус детства...

Алиса родилась солнечным июньским днем в семье Абсолютного Хаоса и Бесконечного Разгильдяйства. Мама – певица, папа – художник. У каждого своя творческая жизнь и

минимум свободного времени.

– Отличная девчушка получилась, – одобрил врач и, подмигнув пищащему комочку, добавил: – Ну, мамаша, любуйся на свою красотулю.

Сначала Дана Бестужева поморщилась от слова «мамаша» – такие определения, по ее мнению, годились только растрепанным клушам или зацикленным на пеленках, пюрешках и горшках домохозяйкам, потом она поморщилась, когда внимательно рассмотрела дочку – на пухленькую гладенькую красавицу-малышку (такую, как на картонной пачке сухой молочной смеси) девочка не тянула.

– А это точно моя дочь? – спросила она, задумчиво наклоняя голову набок.

– Позвольте... – изумился врач, – но она только что выскочила прямо из вас...

Да, против таких аргументов не попрешь. К тому же некоторое сходство имеется – рыжий цвет волос и упрямый взгляд. Маленькая, беззащитная, а туда же – смотрит внимательно, будто ждет чего-то.

– С именем уже определились? – добродушно поинтересовалась медсестра, делая пометки на разлинованном бланке.

Дана посмотрела на потолок, пожалала плечами и вспомнила золотистый чубчик дочери.

– Лиса Алиса, – ответила она и улыбнулась, чувствуя, как приятные ручейки материнства, щекоча, бегут по венам,

устремляясь к самому сердцу.

Мама и папа окружили Алису сдержанной и нетипичной заботой. Ей разрешалось все, но только в пределах тесной гримерки или просторной, пропахшей краской мастерской. Знакомые и незнакомые, красивые и чудные, строгие и смешливые люди входили, выходили, угощали сладостями, улыбались... А некоторые смельчаки даже протягивали руку, чтобы ласково погладить малышку, но с Алисой такие номера не проходили, и два укушенных пальца были тому подтверждением.

В детский сад она отправилась в возрасте трех лет – категорически отказавшись от кружевного розового платья, требовала джинсики и водолазку. Дана Бестужева не разделяла вкусов дочери, но на этот раз уступила – у ребенка впереди знакомство с воспитателями и детьми, пусть идет в том, что нравится. И, дабы еще больше поддержать дочь, приготовила на завтрак огромный бутерброд с вареной сгущенкой.

Адаптация в саду заняла буквально несколько минут: Алиса повесила кофту на крючок в шкафчике, сменила туфли на босоножки, махнула маме с папой рукой и, зайдя в группу, громко произнесла: «Я самая главная, понятно?» Родители переглянулись и облегченно вздохнули, они давно уже подозревали, что их рыжеволосая зеленоглазая девочка нигде не пропадет.

Несмотря на наличие лидерских качеств, Алиса всегда существовала в плоскости, параллельной коллективу. С ней хо-

тели дружить многие, но она оставалась в стороне, поддерживая только приятельские отношения. Алисе нравилась тишина одиночества, и она внутренне отгораживалась от яркого, шумного мира матери, от пестрого неустойчивого мира отца и впоследствии – от размеренного мира одноклассников. Она шла вперед, не задевая никого, но оставляя на земле четкий рельефный след.

С раннего детства, требуя весомую порцию независимости, Алиса пресекла все попытки матери превратить ее в ухоженную гламурную особу, выстукивающую ритм превосходства тонкими каблучками. Она выбирала и носила только удобную одежду и предпочитала спортивный стиль: джинсы, свитера, водолазки, футболки, кроссовки... «Разгильдяйство тебе досталось от отца», – фыркала мамуля, глядя, как повзрослевшая дочь застегивает короткую куртку из грубой ткани и перекидывает через плечо лямки потертого рюкзака. Да, возможно, но что делать, если желания следовать моде не возникает, если рюшки и побрякушки раздражают?

Но однажды Алиса изменила себе. И случилось это практически сразу после успешного поступления в Институт рекламы.

Вернувшись домой, она юркнула в ванную комнату и плотно закрыла дверь. Сняла все, кроме лифчика и трусов, и замерла перед узкой полоской зеркала. Взгляд запрыгал вверх-вниз, вверх-вниз, впитывая отражение и цепко выискивая достоинства и недостатки.

Стройная фигура, треугольное лицо, тонкая талия, маленькая грудь, длинные ноги, острые коленки, зеленые глаза, высокие скулы, облако кудрявых волос. Непослушное облако – легче скрутить в жгут и скрепить заколкой или спрятать под бейсболку, чем расчесать. Давно бы отстригла, но в коротком варианте кудри становятся еще мельче и торчат в разные стороны – хм, та еще красота получается...

Не спеша одевшись, Алиса направилась в кухню. Именно оттуда доносилось бодрое пение мамы:

– Я красивая? – спросила она, с вызовом вздернув конопатый нос.

– Да, – твердо ответила Дана Григорьевна, – но ты совершенно не следишь за собой, что меня ужасно огорчает! Когда ты снимешь драные джинсы и наденешь приличную юбку?

– Приличная – это та, которая тридцать сантиметров в длину? – улыбнулась Алиса, намекая на излюбленные наряды матери.

– Именно так!

– Ладно... – она вздохнула, – дай мне какую-нибудь... померить...

Глаза Даны Григорьевны Бестужевой от удивления медленно, но верно поползли на лоб. «Влюбилась», – поставила она диагноз дочери и не ошиблась.

Алиса познакомилась с Денисом на улице в центре Москвы. Он так самозабвенно и профессионально фотографировал полуразрушенный временем кирпичный дом, что она не

смогла пройти мимо. Прислонившись спиной к стволу липы, она неотрывно следила за его движениями. Каждый жест, каждый поворот головы приковывал взгляд и наполнял душу странным болезненным волнением.

Сделав десятка два кадров, парень обернулся и заметил рыжеволосую наблюдательницу.

– Как тебя зовут? – бросил он.

– Алиса.

– Отличное имя. А я – Дэн.

– А зачем вам столько снимков этого дома?

– Готовлю эксклюзивный календарь по заказу строительной фирмы.

– А потом... Что будете делать потом?

– Возьму тебя за руку и отведу в кафешку, накормлю пирожными, а затем приглашу в свою студию, – насмешливо ответил он, присаживаясь на корточки в поисках более удачного ракурса.

Вкус пирожных Алиса не запомнила, кажется, кофейные или шоколадные, какая разница... А вот студия произвела неизгладимое впечатление. Осветительные лампы, тряпичные рулоны фона, пуфики, стулья, кресла, шкуры медведя и тигра, черно-белые портреты в рамках... У отца тоже своя мастерская, но мольберты, краски и эскизы отчего-то навевают скуку, а здесь – совсем другое дело...

Денис Алисе показался очень взрослым – двадцать семь лет, небрит, стильно одет. Своя квартира, романтика про-

фессии, дорогие сигареты и притягательная небрежность во всем. Свободен и талантлив. Умен и опытен. Сердце дрогнуло и первый раз не стало сопротивляться.

Почти каждый день, после лекций в институте, Алиса бежала к Дэну. Сидела на табурете в углу студии и смотрела, как он работает, как творит. К нему приходили совершенно разные люди: и профессора, и мамочки с детьми, и студенты, и необыкновенно красивые девушки... Модели. Высокие, тонкие, прохладные, уверенные в себе. Чудо-бабочки. Они льнули к Дэну, хлопали своими разноцветными крыльшками, оставляя невидимую пыльцу на его футболке, и улетали прочь. А Алиса вдыхала цветочный аромат чужих духов и здоровалась за руку с неведомой ранее ревностью.

Фотографии, висевшие на стенах студии, только добавляли душевных страданий – идеальные бабочки и в стильных рамках чувствовали себя прекрасно и, не скупясь, щедро раздавали улыбки направо и налево...

Денис постоянно угощал Алису шоколадными конфетами, круглыми мятными пряниками, ликером «Бейлис», миндалем в сахаре и прочими сладостями, брал с собой на выездные съемки, на премьеры в кино, на встречу с друзьями в ресторан. Он относился к ней тепло и даже трепетно и улыбался, когда она слишком сурово посматривала в сторону очередной, залетевшей на фотовспышку, чудо-бабочки. «У меня такая работа», – объяснял он, но Алиса толком не понимала, что именно он вкладывает в эти слова.

И однажды захотелось стать другой, и она появилась на пороге студии в короткой бархатной юбке и подобранной в тон обтягивающей кофточке, сверху – расстегнутый серебристый плащ. Волосы распущены, а на лице – легкие следы косметики: тональный крем, пудра, тушь и бледно розовый блеск на губах.

– Ты чего же свои конопушки замазала, – улыбнулся Денис и сразу потянул ее в драпированный тканью угол, к пуфику и тигровой шкуре.

Он фотографировал ее первый раз. Два часа фотографировал. Руки, ноги затекли, а душа дрожала от счастья. Теперь Алиса была уверена в своей красоте и решительно отказалась от джинсов и водолазок – раз и навсегда.

Два месяца она кружилась в невероятном танце счастья, страсти и любви. Научилась ходить на каблуках, краситься, фотографировать, готовить бесподобные многослойные бутерброды, пить текилу и врать матери, которая задавала не слишком-то много вопросов. Если раньше Алиса не задумывалась о свадьбе, то теперь мысли о белом платье все чаще приходили в голову. Она представляла, как Денис делает предложение, как она бросается ему на шею и кричит как сумасшедшая: «Да! Да! Да!» На треугольном личике появлялась улыбка, а из груди вырывался вздох волнения и надежды.

Но Денис не сделал предложения руки и сердца. На свете слишком много чудо-бабочек, и цветок нарцисс умеет лю-

бить только себя...

Она увидела их случайно – в магазине. В корзинке Дениса уже лежал батон, зеленый салат в горшочке, кусок карбоната, банка маринованных огурцов... он обожает многослойные бутерброды и нефильтованное пиво... А рядом – блондинка: прямые длинные волосы, кошачьи глаза и пухлые губы. У такой наверняка есть десять портфолио и контракт в модельном агентстве.

Алиса схватила с полки бутылочку питьевого йогурта и сделала несколько шагов назад – не надо попадаться им на глаза, не надо! И, возможно, не надо было идти в этот магазин... В их любимый магазин...

Как зомби, Алиса двигалась за ними до студии. На расстоянии. И убежала бы прочь, но ноги несли вперед. Денис говорил, что сегодня у него предметная съемка в торговой фирме... и неделю назад то же самое говорил... Так, значит... это ложь?

Дверь он закрыл на два оборота, но у Алисы был ключ... Полчаса она топталась на улице, задаваясь множеством вопросов, а потом полезла в сумку и нащупала плоский кругляш брелка.

По коридору шла медленно (четыре метра от надежды до правды), подыскивая объяснения и твердя: «Он не мог, он не мог, он не мог так поступить». Скрип двери и... Потом он позвонит ей и будет объяснять, что есть серьезные отношения, а есть разовые, что мужская природа отличается от

женской и нельзя так заикливаться на рядовых вещах. Он будет объяснять многое, но Алиса его не услышит. Она положит трубку на подоконник и отправится на кухню. Намажет хлеб вареной сгущенкой, сядет за стол и, обжигая рот горячим чаем, будет есть, смахивая со щек соленые слезы...

Следующим утром Алиса проснулась другим человеком. От недавно приобретенной мягкости не осталось и следа. Косметика, юбочки, кофточки перебрались в комнату матери, а на полках ровными стопками появились футболки, майки, водолазки. Любимые потертые джинсы, пережив очередную стирку, заняли привычные места на спинках стульев, на подлокотнике кресла, на вешалке в шкафу. К прежним независимым настроениям добавились резкость, сигареты и отстраненность от окружающего мира. Алиса даже деньги решила зарабатывать сама, а не стрелять у родителей – пусть никто не указывает, как себя вести и что делать.

Просидев в Интернете полдня, она наткнулась на объявление, которое ее заинтересовало: *«Принимаем фотографии от частных лиц. Если у вас есть снимки знаменитостей – мы ждем вас!»*. Коротко и не очень ясно. Хотя смотря для кого. Спасибо Денису, он многому ее научил...

Папарацци. Папарацци. Вот кого зазывала к себе скромная, мало кому известная электронная газета.

Алиса еще раз перечитала короткое объявление и ухватилась за идею крепко и отчаянно. Кажется, Дэн не уважает охотников за чужими судьбами, ну что ж... значит, она ото-

мстит ему именно таким образом – унизит, растопчет то, что он боготворит, воспользуется столь почитаемым искусством фотографии в корыстных целях. И пусть он никогда не узнает об этом – неважно, каждый сделанный кадр и так будет радовать...

Благодаря сбережениям Алиса купила первый простенький фотоаппарат и провела детальную беседу с матерью – когда и где можно застукать представителей и представительниц шоу-бизнеса? Узнав, для чего дочь интересуется подобной темой, Дана Григорьевна рассмеялась и посоветовала несколько ночных клубов, в которых любили проводить время выпускники одной из «Фабрик Звезд» (сдать молодых – самое милое дело). Этим же вечером Алиса отправилась на охоту.

Поначалу снимки не приносили весомого дохода: актриса танцует, певец ест, продюсер напился и уснул в кресле... – никого обычной жизнью не удивишь. Потом появилось чутье, Алиса научилась ловить нужный кадр – подороже. За ненакрашенных, безвкусно одетых звездочек платили лучше, да и давались такие фотографии легче – не надо всю ночь скакать по ресторанам и клубам, тратя деньги на вход и обязательный коктейль, да и вероятность схлопотать за съемку по шее намного меньше.

Со временем появились связи в газетах и журналах, и осведомители – лица, приближенные к ВИП-персонам, да и мамочка подбрасывала работу – то по дружбе, то по вредно-

сти (некоторые звезды и сами желали черного пиара, а некоторых Дана Григорьевна изрядно недолюбливала).

День шел за днем, и такая жизнь для Алисы стала привычной. Денис вспоминался все реже и реже и уже никак не влиял на мысли и поступки. Иногда даже не верилось, что у нее были отношения с этим человеком, что она носила мини-юбки, готовила многослойные бутерброды и летала в облаках. Сейчас только сумасшедший мог попытаться разглядеть в ней восторженную барышню... Двадцать один год, четвертый курс Института рекламы, пачка сигарет в кармане, грубые словечки на языке и угловатая, мальчишеская внешность.

Мальчишеская, если не считать яркого облака оранжевых волос.

* * *

Дана Григорьевна Бестужева любила свою фамилию, обожала имя и не жаловала отчество. Дана. Просто – Дана. Так же лучше, правда? Бестужева... благородно, красиво! А отчество... ну это такая же противная строка в биографии, как и дата рождения. Это лишнее, неприятное напоминание о возрасте.

Ах, возраст... Ну как с ним бороться?! Вся жизнь – диеты, салоны и тренажерный зал. Пока, слава богу, к пластическому хирургу обращаться не приходилось, но еще пара-тройка

лет – и можно начинать поиски хорошей клиники. Страшно, а что делать... Посмотрите направо, посмотрите налево – кругом тощие, не обремененные морщинами и целлюлитом красотки. Им по двадцать, двадцать пять лет, а ей, Дане Бестужевой, уже сорок один год. Печально? Да просто кошмар! Как же быстро летит время, как быстро... Вроде только вчера топталась на подпевках, мечтала о сольной карьере, о славе... а теперь у нее взрослая дочь (совершенно неуправляемая!) и постоянное место работы в ресторане «Джерси». Ресторанная певичка! Ха-ха-ха!..

– Малышка, ты меня слышишь? Я уже третий раз задаю тебе один и тот же вопрос...

Дана вздрогнула, сладко улыбнулась и счастливо посмотрела на своего «малыша». Андрей. Андрюша. Милый мальчик, который вот уже два месяца носит ее на руках. Всем назло носит! Да, он моложе ее на девять лет, и да – еще «не встал на ноги», но это же не значит, что возникшее между ними чувство полнейшая ерунда и что парню нужны только ее деньги. Во-первых, она не звезда и не миллионерша (к большому сожалению!) и особо тратиться не может, во-вторых, помогать близким людям – нормально и правильно, и ей самой хочется о нем заботиться. И, в-третьих, Андрей великолепен и дарит ей незабываемые минуты восторга! И двойной эспрессо, который она сейчас пьет в кафе торгового центра, купил именно он. Если у человека нет огромной кучи денег, это еще не повод объявлять его прохиндеем и

сволочью! Вот!

– Прости, – Дана кокетливо наклонила голову набок, – о чем ты меня спрашивал?

– Я предлагал махнуть в Сочи... дня на три. Развлечемся, позагорает.

– Ты серьезно?!

– Конечно. – Андрей улыбнулся, продемонстрировав идеальные отбеленные зубы.

О! Сочи! Три дня! Романтика! Страсть! Дана выпрямилась, откинула голову назад и продолжительно вздохнула. Воображение завертелось юлой, смешивая палитру эмоций...

Она на пляже. Горячий песок и горячие взгляды отдыхающих. Андрей раздевается и... все женщины начинают ей завидовать! Они скукоживаются от зависти! Еще бы! У ее «малыша» отличное тело – умопомрачительное. Широкие плечи, крепкие руки, квадратики мышц на животе. Он вообще красавец! Тренер по фитнесу и мастер спорта по армрестлингу.

Ну а потом раздевается она, и на лицах загорающих мужчин появляется интерес и восхищение. Ага, смотрите, смотрите... Зря, что ли, мучила себя масками, массажами и спортом. Сорок один год? Да кто об этом знает?! Двадцать лет тренажеров и диет! Двадцать лет труда над своей внешностью! Больше тридцати пяти ей никто не даст... или тридцати двух... или тридцати... с Алисой их часто называют сест-

рами (как же приятны такие слова). Обе высокие, стройные. А рыжие волосы? Пламя, которое всегда дразнит, притягивает, сводит с ума... Спасибо тебе, природа, за это, и за многое другое тоже спасибо.

Кстати, Алиса... Алиса. Когда последний раз дочь надевала юбку? На первом курсе института. Превратилась в пацанку, носится по Москве с фотоаппаратом, курит, игнорирует мужскую часть населения и слушать ничего не желает! Живет сама по себе – никто ей не авторитет. Надо было больше уделять дочери внимания – растет, как сорная трава... Нет, не растет... уже выросла. Дана поджала губы, испытывая секундный приступ вины.

А с другой стороны: Алиса самостоятельна, учится в институте, любит книги. С отцом у нее прекрасные отношения, несмотря на то, что после развода он опять женился и «народил» еще одну дочку. Все хорошо. Все хорошо.

Дана убрала рыжий локон за ухо, протянула руку и сжала пальцы «малыша».

– Давай полетим в Сочи сегодня же, – ответила она. – У меня есть сногшибательный купальник. Расходы беру на себя. Ты у меня такой замечательный!

– А билеты?

– Не проблема – по знакомству можно достать все что угодно, а подруг у меня полно.

Андрей отправил в рот кусок рассыпчатого пирожного, кивнул и выдал довольное «угу». Дана улыбнулась, сделала

глоток эспрессо и подумала: «Жизнь прекрасна! Меня ждет море, пляж и страстные объятия с утра до вечера!»

Жизнь Даны Григорьевны Бестужевой была местами красочной, местами пронзительной. Эту самую пронзительность она не всегда замечала – проще перевернуть страницу, чем ее прочесть, и поэтому сердце чаще подпрыгивало от радостей, чем от забот и горестей. Уходи, плохое, тебя как будто нет.

Мягкий бархатный голос, тяга к сцене... В восемнадцать лет Дана уже числилась в подпевках у двух более-менее известных исполнителей. Голова кружилась от чужой популярности и аплодисментов, казалось – впереди ждет точно такой же личный успех: карьера сольной певицы, охапки цветов, афиши, шикарные гостиничные номера во время гастролей и премии.

В девятнадцать лет Дана вышла замуж за художника Павла Бестужева (о! одна фамилия чего стоит!). Судьбоносная встреча произошла в купе поезда. Она ехала на концерт любимой группы, он – на выставку друга. Бутерброды с сыром, холодные сосиски, мятые помидоры и обоюдные рассказы о творческих планах так сблизили, что дорога до загса оказалась невероятно короткой. Семейная лодка поплыла вперед, на первых порах минуя рифы и скалы. Вроде и сами по себе, а вроде и вместе.

Павел предпочитал свободную одежду, редко брился, терпеть не мог мыть посуду, завтракал, обедал и ужинал бутер-

бродами. Дана тряслась над красивой, модной одеждой, скупала тоннами косметику и клевала салатики в столовых и на фуршетах, редко случающихся после концертов. Его двадцать четыре часа в сутки интересовали картины, ее – карьера певицы. А Алиса... а Алиса просто решила родиться, что сделала успешно и быстро. «Отличная девчушка получилась», – одобрил врач, и растерявшимся родителям пришлось задуматься о многом... Девять месяцев беременности закончились? Она пищит и хочет есть? Писает? Какает? Не спит? И что прикажете делать?..

На год Дана забыла о сцене и переключилась на дочь. Павел, дабы не травмировать здоровье ребенка запахами краски, снял закуток в художественной школе и теперь творил там. Алиса улыбалась, агукала, требовала внимания и по мере своих возможностей сплавивала семью. Ну-ка, родители, – не расслабляться! Я здесь! Я существую!

– Все! Я больше не могу! – однажды вечером твердо сказала Дана. – На кого я стала похожа! Я хочу выступать, хочу петь, нормально выглядеть и нормально одеваться! Сидя дома, я поправилась на три килограмма! Нам нужна нянька.

– На няньку нет денег, – развел руками Павел, и судьба Алисы была решена. Папа с мамой установили дежурства, и теперь она курсировала из мастерской в гримерку, из гримерки в мастерскую.

Всколыхнув прежние связи, Дана вновь окунулась в привычную и желанную жизнь. Подпевки, выступления (в клу-

бах, на различных вечерах, на масштабных уличных концертах). Первый продюсер, первая сольная программа и первый провал. Второй продюсер, вторая сольная программа и второй провал. Денег на раскрутку не так чтобы много, репертуар в виде песен-однодневок и скользкие поползновения сильных мира сего в сторону «невинности и чести». Тьфу – одним словом!

И в один прекрасный день постоянные метания и неустраивенность надоели, захотелось остановиться и сделать передышку. Одноклассница предложила работу в престижном ресторане «Джерси», и Дана согласилась.

Стильное, роскошное заведение. Ее образ – образ божественной кинодивы а-ля Грета Гарбо, трудовые будни пять вечеров в неделю (выходные – понедельник и вторник).

«Вот и молодец, вот и правильно, – одобрил Павел, глядя с тоской на надоевший бутерброд с ветчиной, – у Алисы переходный возраст, за ней сейчас присматривать надо...».

Переходный возраст... Дана раскрыла рот и простояла так минуту. Дочери уже тринадцать лет... Она, конечно, помнила об этом, знала – день рождения и все такое, но... не задумывалась...

Картины Павла стали пользоваться заслуженным спросом – заказы, выставки, командировки. Его пригласили преподавать в Академию живописи и теперь часто звали на различные конкурсы в качестве важного члена жюри. Такие перемены подстегнули и заставили внести изменения в при-

вычный образ жизни. Павел больше не просиживал сутками в мастерской, не носил байковых и джинсовых рубашек, не злоупотреблял алкоголем и не заглядывался на натурщиц (а раньше бывало, бывало...). Вдруг появилось желание хорошо зарабатывать и хорошо выглядеть. Душа потребовала размеренности и комфорта. И в семье Бестужевых начался новый период отношений – затяжной и бурный под названием «Сама дура. Сам дурак».

– У меня есть хотя бы одни чистые носки?

– Я же не спрашиваю тебя про свои колготки.

– Ты целый день дома, могла бы и постирать!

– Я поздно встаю, потому что прихожу с работы в час ночи!

– Смени работу, ты совершенно не думаешь ни обо мне, ни об Алисе!

– Она, в отличие от тебя, в состоянии о себе позаботиться!

И что значит «смени работу»? Я годами терпела твои загулы, позднее возвращение домой и равнодушие – и ты потерпишь! Мастерская Павла Петровича Бестужева! Ха-ха-ха! Он теперь, видите ли, преподает в Академии художеств...

– Академии живописи!

– Какая разница!

– Ты мне завидуешь!

– Чему именно?!

– Я многого добился, а ты как попискивала на сцене пятнадцать лет назад, так до сих пор и попискиваешь!

– Замолчи! На мне, между прочим, быт и Алиса!

– Да ты со своей дочерью практически не знакома!

– Ты тоже!

– Я зарабатывал деньги, делал карьеру! Мне было некогда!

– Может, я открою тебе страшную тайну, но я занималась тем же самым!

– И где результат?!

– У меня отличное место в ресторане «Джерси». Я пою! Ты сам уговаривал меня согласиться на это предложение!

– Я полагал, что новая работа даст тебе возможность заниматься домом!

– Возможность заниматься домом! Только послушайте его! Как будто стирка и мытье грязной посуды является пределом мечтаний каждой женщины! Плевала я на такие возможности!

– Не ори, Алиса услышит!

– Сам не ори! И не надо делать вид, что ты беспокоишься о дочери! Когда ты последний раз с ней разговаривал?

– Вчера.

– О чем?

– О... о...

– Вот видишь – ты не помнишь!

– Я помню, но если я скажу, тебе будет стыдно!

– Не будет!

– Я спросил, остались ли пельмени!

– Ха! И мне, по-твоему, должно быть стыдно?!

– Да! Потому что данная ситуация подчеркивает твою бесхозяйственность!

– Она подчеркивает твою лень и глупость!

– Кстати, пельменей не оказалось!

– Конечно! Я их приготовила, а ты все сожрал за один присест еще два дня назад!

– Приготовила??? Очнись, дорогая! За пятнадцать лет ты не слепила ни одной даже самой маленькой пельмешки!

– Зачем лепить то, что продается в каждом магазине?!

– Если бы ты их хотя бы один раз купила...

– А откуда они, по-твоему, появляются в морозилке?

– Не знаю! Если их не покупаю я и если их не покупаешь ты – в чем я абсолютно уверен, то, по логике, их покупает наша дочь!

– Да, потому что я вырастила Алису заботливой и...

– Это я ее такой вырастил!

– Ты вечно пропадал в мастерской! Рисовал голых девиц и восковые яблоки!

– Ты никогда не была в состоянии оценить мой талант!

– Потому что у тебя его нет!

– Кто бы говорил! Я последний раз спрашиваю, где мои чистые носки?

– Там же, где и мои чистые колготки!

Скандалы особым разнообразием не отличались – одни и те же фразы, одни и те же упреки. Пустяк, перепалка, взрыв

эмоций, оскорбления и острые обиды, благодаря которым время от времени наступило затишье.

Но однажды «штиль» уж слишком затянулся... Павел перестал раздражаться, перестал задавать вопросы, а Дана, серьезно занявшись своей внешностью и новой программой, только порадовалась этому. Молчит – ну и ладно, не лезет – ну и хорошо.

Через полгода стало так тихо, что в ушах зазвенело. Павел ушел. Собрал вещи, похлопал Алису по плечу и ушел... к другой женщине. К пухленькой курносой студентке, которая умела готовить не только пельмени, но и вареники, и запеканки, и профитроли в шоколаде. И на своей карьере ради мужа с легкостью поставила жирный вековой крест.

– Нашел клушу и радуется, – фыркнула Дана, еще не до конца осознав случившееся. – Пусть катится, потом все равно вернется и попросит прощения.

Но Павел не вернулся, он подал на развод, а затем женился на курносой студентке.

– Ну и пошел он к черту! – выпалила Дана и прорыдала в спальне два часа.

Успокоившись, она села на кровать, вытерла щеки и прислушалась к своим чувствам. Обида есть, уязвленное самолюбие тоже имеется, а вот любви нет... уже давно нет. Растерялась любовь на поворотах. Пусто.

– Ну и пошел он к черту, – повторила она уже тихо.

Через год в новом семействе Бестужевых родилась дочь,

которая унаследовала от родителей тягу к живописи и тем самым покорила сердце отца. Девочкой гордились и ставили в пример (пять лет малышке, а как рисует! талант!). О старшей дочери Павел Петрович тоже не забывал, но отношения стали более напряженными и сводились к советам и подаркам. Алиса приходила в гости, маялась, односложно отвечала на вопросы, кивала и уходила. От пельменей и запеканок всегда отказывалась, храня верность маминым бутербродам с вареной сгущенкой. За что она действительно была благодарна отцу, так это за фотокамеру, подаренную на двадцатилетие. Черная, матовая, красивая и не тяжелая – шею не тянет и не мешает при быстром беге...

Дана Григорьевна после развода, одержав победу над образовавшимися комплексами, увлеклась йогой, антицеллюлитным массажем и тридцатипятилетним официантом. Потом были другие: забавный арт-директор, хмурый адвокат, лохотронщик, владелец супермаркета, эксцентричный дизайнер... Мужчины, точно им махнули зеленым флажком, рванули к обольстительной певице со всех сторон. Голова закружилась, а самооценка подпрыгнула вверх.

Окрыленная успехом Дана выходила на сцену как звезда. Пела, одаривала посетителей ресторана жгучим взглядом и чувствовала себя прекрасно. Это – ее успех, и плевать на Павла и его курносую жену! Пусть общается с курицами! А она – свободна! Сво-бод-на!

Длительное время пылкие отношения заканчивались ис-

ключительно по инициативе Даны – право капризничать, воротить нос и выказывать недовольство принадлежало только ей. Надоел – до свидания, не в состоянии сдержать ревность – до свидания, замужество и домашний арест – до свидания... Без лишних слов, без сожалений. Так было...

За последний год ситуация изменилась коренным образом. Общение с мужчинами стало носить кратковременный характер, и резкое слово «прощай» теперь летело не от Даны Григорьевны Бестужевой, а напрямик к ней. И что было тому виной – непонятно: то ли возраст поклонников (молодо-зелено), то ли переменчивый и заносчивый характер самой Даны, то ли космические силы, то ли еще что-то. Романы вспыхивали и гасли – катастрофически не хватало тепла, заботы, элементарного женского счастья, твердого плеча, любви... Ау, где вы? Ау...

Хорошо, что сейчас все по-другому – напротив сидит милый мальчик, который смотрит на нее влюбленными глазами. Андрей. Андрюша. «Малыш». Он не такой, как все. Не такой...

Глава 2

«Счастливо оставаться...» – скажет мама.

*«В машину ее... Быстро!» – скажет депутат
Государственной думы.*

– Бред.

Алиса недовольно поморщилась и выключила телевизор. Сто каналов, а выбрать нечего – сплошная дребедень. Раздражает, ох как же все раздражает... Если бы телохранитель Мэри Лив не вертел головой направо и налево, а просто нес чемоданы – было бы куда лучше! Фотография очередной успешной куклы уже красовалась бы на сайте журнала для женщин – долго ли переслать по электронной почте... Но он (гад!) испортил охоту и лишил заработка.

– Сволочь. – Алиса скривила губы, встала с кресла и направилась в кухню.

На ближайшую неделю никаких вылазок не предвидится, а так хотелось накопить денег за каникулы... Можно подежурить у дома еще какой-нибудь «выдающейся личности современности», но где взять свежий адрес? Не фотографировать же бесконечно одних и тех же. Осведомители молчат, да и мамуля последнее время не балует... Мамуля...

Алиса ухватила нужную мысль за хвост и свернула в большую комнату. Босые ноги утонули в мягком ворсе ковра, в

нос влетел навязчивый аромат лилий – одна ваза с цветами на подоконнике, другая – на журнальном столике. Лучше бы поклонники дарили маман тюльпаны и гвоздики. Дешевле и не воняют.

Придвинув стул к шкафу, Алиса забралась на него и запахнула две маленькие дверцы. Достала с верхней полки обклеенную подарочной бумагой обувную коробку и едко улыбнулась. Здравствуйте, звезды! Давненько мы с вами не виделись!

Пестрая коробка с потертыми углами и масляным пятном на крышке имела весьма колоритное название – Ларец Удачи, набита она была фотографиями, салфетками-бумажками-клочками, амбициями и надеждой. И принадлежало все это богатство Дане Григорьевне Бестужевой. Мамуле. С семнадцати лет она коллекционировала автографы знаменитостей и при случае фотографировалась с ними. О, слава, прилипай, прилипай! Да и к тому же похвастаться такими вещичками всегда приятно – «с НИМ я случайно встретила в кафе, ага, ага, проболтали целый час», «а с НЕЙ летели вместе на гастроли, в жизни она намного обаятельней и моложе», и так далее.

Правда, последние годы Ларец Удачи не пополнялся и особым спросом не пользовался, только Алиса иногда в него заглядывала с целью отыскать для охоты «новую жертву» – о некоторых личностях маман могла рассказать многое, включая нынешних любовников и адрес проживания.

Алиса слезла со стула, тряхнула коробкой и, услышав многообещающее «хруп-хруп», улыбнулась. Лежат, голубчики, ждут своей очереди...

Фотографии уже много раз были изучены. Некоторые – отсканированы, обрезаны и благополучно проданы, но почти каждый раз, пересматривая «реликвии», удавалось отыскать что-нибудь нужное. То мамуля вспоминала новые подробности встречи со звездой, которые позволяли нарыть новый материал для дешевого журнала или газеты, то оказывалось, что знаменитость переехала и живет по соседству («ах, совсем забыла!»), то благодаря удачному кадру удавалось придумать невероятную историю и всучить ее знакомому журналисту (так, например, режиссеру Савочкину, случайно запечатленному семь лет назад на ипподроме верхом на лошади, было приписано лихое жокейское прошлое, а также он был объявлен владельцем трех арабских скакунов – каждый ценой по полмиллиона долларов).

Разложив фотографии на диване веером, Алиса окинула взглядом накопленное годами «богатство». Ну, кто тут соскучился по черному пиару?

Щелчок замка, хлопок дверью и...

– Алиса, ты дома?!

– Ага!

– Я только что из «Джерси» – выклянчила небольшой отпуск и взяла платье... ближайшие три дня я проведу в Сочи... теплое море, частная гостиница... я уже обо всем до-

говорила, – вдохновенно затараторила перевозбужденная Дана Григорьевна, влетая в комнату. – Извини, тебя с собой не беру... все так быстро получилось, ну ты сама понимаешь... Десять минут на отдых, полчаса на сборы, а потом напрямик в аэропорт. – Она села в кресло, закрыла глаза и блаженно улыбнулась. – Море, море, море...

Фраза «ну ты сама понимаешь» для Алисы означала только одно – у мамыли очередной роман, и она находится на гребне экстаза. Н-да-а-а...

– ...ты не представляешь, как вытянулось лицо директора, когда я попросила отпуск! «Да ты соображаешь, о чем просишь?!» Я-то как раз соображаю... – Дана резко махнула рукой. – Чертово место! Когда-то я думала, что поработаю в «Джерси» только год... максимум два... Передохну, наберусь сил... Но это же не ресторан! Это остров погибших кораблей! Прибило течением, и обратной дороги нет! Но нашему Карловичу ничего не оставалось делать, как отпустить меня, – я звезда. Пусть маленькая, но звезда. Другой такой они не найдут, я идеально вписываюсь в атмосферу, шикарно пою и... сверкаю!

– Угу, – равнодушно согласилась Алиса. Про остров погибших кораблей она слышала уже раз пятьдесят, про звезду и атмосферу тоже. Сейчас ее интересовало совсем другое...

Алиса выдернула из веера одну фотографию и нахмурилась – этого снимка раньше в коробке не было. Черно-белый, отличного качества и совершенно не потрепанный, буд-

то его утром напечатали. Каменная мостовая, фонари, кусок вывески... Арбат. Точно Арбат! А на переднем плане – мамуля и молодой парень (невероятно похожий на Джорджа Клуни). Открытое лицо, ровные черные брови, широкий подбородок, несколько кривоватая улыбка. Откуда эта фотография и сколько ей лет? Десять? Возможно... Мамуля всегда прекрасно выглядела, и больше тридцати пяти ей сейчас не дашь, так что на ее возраст ориентироваться бесполезно. Моложе – это точно, но на сколько? Алиса поднесла снимок ближе. Нет, снимку больше чем десять лет... лет пятнадцать... одежда такая... ну, чудная...

– У тебя деньги есть?

– Угу.

– Ты можешь отвечать нормально? – Дана сморщила нос, закинула ногу на ногу и посмотрела на потолок. – Уже вечером я увижу море... не верится... одежды много брать не буду: купальник, пара юбок, платье, кофточки... А весной поеду в Турцию, и только пусть попробуют не дать мне нормальный отпуск. – Она повернулась к дочери и, наткнувшись взглядом на Ларец Удачи, добавила: – Опять тебе понадобилось это барахло, ты можешь не носиться по Москве хотя бы неделю?

– Кто это? – вместо ответа спросила Алиса и развернула фотографию картинкой к родительнице.

– А, – Дана вновь махнула рукой и фыркнула, – была в среду у Светки и забрала несколько старых снимков. Обал-

деть! Год с ней не виделась, а она успела выйти замуж и развестись, теперь опять подыскивает кандидатуру на роль супруга...

– Ма-му-ля, – протянула Алиса, пытаясь прервать начавшийся поток слов (рассказы про одноклассницу Светку Лимонову никогда не были короткими).

– Не называй меня так! Терпеть не могу это старческое «мамуля»!

«Я знаю, – подумала Алиса, – но другого способа тебя остановить просто не существует».

– Чем знаменит этот парень, с какой такой радости ты сунула фотографию в Ларец Удачи?

– Посмотри повнимательней, – улыбнулась Дана, – возможно, догадаешься сама.

– Только не говори, что это Джордж Клуни, все равно не поверю.

– Да, похож, но не он, даже врать не буду.

– Актер?

– Нет.

– Спортсмен?

– Нет.

– Певец?

– Боже мой! Моя дочь совершенно не интересуется политикой! Стыд и срам! – Дана иронично покачала головой и, бодро вскочив с кресла, направилась в свою комнату. Пора собираться, а то так и на самолет опоздать можно.

Политика? Алиса приподняла брови и проткнула взглядом высокого черноволосого парня. Есть, есть что-то знакомое... Она редко смотрит телевизионный выпуск новостей, редко задерживается на нудных передачах, газеты и журналы пролистывает слишком быстро и похвастаться политической грамотностью не может. Но все же некоторая информация в голове оседает, и если в ней покопаться...

– Какой-нибудь журналист?! – крикнула Алиса.

– Бери выше... депутат Государственной думы! – донесся звонкий голос мамыли.

Ого! О-го-го! О-го-гошечки! Такого улова еще никогда не было!

– Как его зовут?!

– Стыд и срам, – спокойно повторила Дана, возвращаясь в гостиную. – Надо же хоть иногда интересоваться тем, что происходит в стране.

– Ах, ах, ах, – передразнила Алиса. – Ты сама скольких депутатов знаешь?

– Нескольких, – неопределенно ответила Дана, стараясь до конца играть роль матери.

– Так как его зовут?

– Максим Юрьевич Северов. Он теперь такая важная персона – закачаешься! Плакаты с его портретами и девизами натканы по всей Москве, неужели не видела? И в новостях постоянно мелькает. Я, честно говоря, не очень слушаю, о чем он там разглагольствует, но вроде выступает по делу и

кашу по тарелкам не размазывает.

Алиса пожала плечами – видела или нет... Раньше депутаты ее совсем не интересовали, а сейчас... Если нарыть компромат на Северова, то... За такую «бомбу» можно получить кучу денег.

– А где ты с ним познакомилась?!

– У друзей... м-м-м... у Светки, – Дана вытащила из ящика зарядку для мобильного и на миг замерла, – да, точно – у Светки. Кажется, он приятель ее двоюродного брата...

– А когда это было? Сколько лет снимку?

– Да больше десяти лет! Я хорошо получилась, правда? Ты не знаешь, куда я могла убрать бежевую сумку? Ту, что с цепочкой на кармане? – Дана вновь выскочила из комнаты и, вернувшись уже с сумкой, продолжила: – Северов тогда учился в институте и мечтал о большом будущем, постоянно бубнил какую-то ерунду и толкал теории... В жизни бы не подумала, что он добьется таких успехов. Сейчас-то он мужик видный, а раньше производил совсем другое впечатление. Ребенок, как есть ребенок. Представляешь, Светка не хотела отдавать фото, жадничала. С некоторых пор она его хранила как зеницу ока и друзьям показывала – вот, мол, какие у меня знакомства имеются. Ха! Я ей пообещала в следующий раз показать наш Ларец Удачи – она от зависти лопнет! Так, где мой крем для рук?..

Алиса наблюдала за суетливыми движениями матери и думала, прикидывала... Есть шанс раздобыть адрес Северова

и есть шанс узнать что-нибудь горячее о его личной жизни – тетя Света любительница поболтать и посплетничать, уж она-то про знакомого депутата должна знать все. Морально, аморально, опасно, не опасно – да ну, ерунда! Это будет охота года! Нет – охота века!

– ...а сфотографировались мы на Арбате... Первое мая – народ гуляет... Светка натерла пятки новыми туфлями – уж это я хорошо запомнила, целый час аптеку искали, чтобы купить лейкопластырь... а какие вкусные пирожные продавались в магазинчике при ресторане «Прага» – со взбитыми сливками, объеденье! Вернусь я скорее всего в среду, там видно будет... понедельник и вторник у меня и так выходные, а на сегодня, субботу и воскресенье я отпросилась...

– Северов женат? – перебила Алиса, убирая в коробку разложенные на диване фотографии... все, кроме одной.

– Нет. Не понимаю, чего он тянет. Холостой политик... хм, есть здесь какая-то недоработка. Ему для карьеры обязательно нужна положительная жена, которая будет заниматься благотворительностью и смотреть на него раскрыв рот. Подруга и соратница – этакая отличница без пятен на репутации.

– Крупская, – усмехнулась Алиса.

– Почти, внешний облик в наше время тоже очень важен. Аккуратная, приятная, мягкая, женственная, без выпендрежа – вот такая бы подошла.

– Значит, если у него роман с какой-нибудь манекенщи-

цей – это не есть хорошо...

– Ну, манекенщицы разные бывают, у особо раскрученных и различных «миссок» – победительниц конкурсов красоты – благотворительность прописана в контрактах, хотя такая жена для политика скорее минус, чем плюс. Модели не всегда могут похвастаться гладким прошлым, да и настоящим... – Дана отправила в объемную сумку косметичку, застегнула молнию и удовлетворенно добавила: – Осталось только принять душ, одеться – и я готова!

– Ты знаешь, где он живет?

– Алиса...

– Давай пропустим лекцию о нравственности. Хорошо?

Дана плюхнулась в кресло и строго посмотрела на дочь. Последнее время разговоры на подобные темы проходили по следующему сценарию: профилактическая беседа «ты девушка, и заниматься подобным – дурной тон», потом фразы из серии «папарацци рано или поздно получают по шее», а затем скомканная концовка «возьмись лучше за молоденькую звезду – пусть не расслабляются». На молодых и успешных у Даны Григорьевны Бестужевой была самая настоящая аллергия – чесалось абсолютно все.

– Мне сейчас некогда, – решила она сократить лекцию до минимума, – но я тебя прошу – оставь Северова в покое. Неужели ты не понимаешь, что с политиками лучше не связываться – у каждого по два пистолета и по десять телохранителей. Понятно?

– Угу.

– Обещаешь?

– Обещаю. Только мне нужен его адрес, – Алиса наклонила голову набок и улыбнулась.

– А что ты будешь делать, когда он отправит тебя в ближайшее отделение милиции?

– Ничего особенного... предъявлю этот снимок и скажу, что моя бесподобная, сногшибательная мама его давняя знакомая, и мы всего лишь хотели сделать сюрприз... Бла-бла-бла... – Алиса помахала фотографией и добавила: – Еще я скажу, что верю в правосудие, светлое завтра, мир во всем мире и мечтаю пополнить ряды партии, лидером которой он является. Надеюсь, партия не коммунистическая.

– Ты неисправима! – Дана засмеялась, замотала головой и направилась в ванную. Как же не хочется думать ни о чем другом – море, море, море... Андрей. Андрюша. Небольшие кафешки, лотки с сувенирами, экскурсионный автобус... Северова ей подавай... Надо еще взять гель для душа и маникюрные ножницы... Андрей, Андрюша. Как же будет хорошо, как же будет замечательно...

Дана включила воду и скрепила заколкой на макушке рыжие волосы. В Москву она вернется совсем другой – отдохнувшей и помолодевшей лет на десять. Пусть Алиса делает что считает нужным, в конце концов она девочка взрослая. Так, какие еще есть аргументы? Светка действительно знает с Северовым (ну... почти знает... остались же ка-

кие-то связи...) – особых проблем не будет, да и юной иска-
тельница приключений не помешает хорошая взбучка, мо-
жет, перестанет шляться по улицам с фотоаппаратом! Али-
су все равно уже ничем не остановишь. Самое правильное
– проконтролировать... Вот Светка и проконтролирует, под-
страхует в случае чего... Море, море, море. Андрей, Андрю-
ша. А если ситуация повернется другим боком и в Интер-
нете появятся скользкие снимки с физиономией Северова?
Тогда это вообще не ее проблемы! Это проблемы депутата
Государственной думы...

Отлично, можно спокойно отправляться в отпуск.

* * *

– ...адрес знаешь? Живет за городом? Ну и ладно... – Да-
на посмотрела на Алису («дорогая, я сделала все что могла,
но, увы, увы, увы...») и продолжила разговор: – Просто так
интересуюсь, вдруг рядом с моим домом, я бы зашла в го-
сти... шучу, конечно же, шучу... А я улетаю в Сочи...

– Спроси, где он бывает, – прошептала Алиса, надеясь по-
лучить хоть какую-нибудь информацию.

– Свет, а где Северов бывает?.. Как ничего не знаешь?

– Пусть не врет, – бросила Алиса и тут же схлопотала уко-
ризненный взгляд под названием «уважай старших».

– Не ври, – повторила Дана, поглядывая на часы. Тик-так,
тик-так, мо-ре-е, мо-ре-е... – Ты сама говорила, что твой

брат изредка перезванивается с ним. Они не встречаются? Жаль. Нет, я еще не сошла с ума.... я же говорю – в гости к нему не собираюсь... пошутила...

– А как у него на личном фронте? – подсказала следующий вопрос Алиса.

– Он жениться не собирается?.. Ты... ты бы за него пошла? – Дана закинула голову назад и захохотала. – Да, на Джорджа Клуни он действительно похож, наверное, именно поэтому у его партии такой высокий рейтинг – женщины голосуют руками и ногами! Книгу написал? Во дает!.. Как называется?.. «Право вершить добро»... Не сомневаюсь, скоро он станет президентом! Ха! Обязательно куплю и прочитаю. Молодец, весь гонорар подарил благотворительному фонду – чего не сделаешь ради качественной репутации... А автографы он случайно не раздает?.. Раздает...

– Спроси, где и когда, – прошептала Алиса, предчувствуя удачу.

– Где и когда?.. Культурный центр фонда «Просвет»... «Первый цвет»... «Подснежник»? Ну ты даешь! Неужели не могла запомнить! Ладно, ладно, не ругайся... пусть раздает автографы где хочет, неважно. Да, отправляюсь в отпуск. Сначала думала на три дня, но потом аппетиты выросли, и теперь планирую вернуться в среду... не от меня зависит, ну ты понимаешь...

Алиса усмехнулась (опять это многозначительное «ну ты понимаешь») и подошла к журнальному столику, наклони-

лась, достала с нижней полки толстенный телефонный справочник и зашуршала страничками. Фонды, фонды, фонды... Культурные центры...

– ...целую, до свидания, не забывай. И прошу тебя, пригляди за Алисой, позванивай ей... Договорились. Привезу тебе магнитик на холодильник... опаздываю, опаздываю... еще раз целую! – Дана отключила телефон и, небрежно кинув трубку в кресло, отчиталась: – Все, что могла, узнала. Северов написал книгу – она вышла в начале июля, и теперь раз в неделю он раздает автографы в центре какого-то фонда, не то «Просвет», не то «Первый цвет», не то «Подснежник». У Светки в голове путаница... Ах да, я опаздываю. – Дана метнулась в коридор, две секунды потратила на изучение собственного отражения в зеркале, потом повесила маленькую сумку на плечо, большую взяла в руку и крикнула: – Счастливо оставаться! И не впутывайся ни в какие истории!

Мо-ре-е, мо-ре-е...

«Не впутаюсь, не волнуйся», – мысленно пообещала Алиса, закрывая дверь.

Пухлый справочник не подвел – фонд назывался «Просвет», и, судя по списку многочисленных резиденций, финансовых проблем у него не было. Еще бы! Какие проблемы, если лучший друг – депутат Государственной думы.

– Теперь остались сущие пустяки... – улыбнулась Алиса. – Трепещите, Максим Юрьевич, курок взведен...

Не медля, она набрала один из указанных номеров и,

пропитав голос приторной заинтересованностью, обрушила на секретаря град вопросов. Когда, где и почему? Правда, неправда? Уверены, не уверены? Вход свободный? Место для парковки имеется? А книг всем хватит? А фотографировать депутата можно? Во сколько мероприятие закончится?

Нужное и ненужное в кучу.

– Встречи с депутатом и автором книги «Право вершить добро» по пятницам в течение августа, с четырех до шести... – повторила Алиса, закончив разговор.

Пятница. Пятница! Она бросилась к компьютеру, но, взглянув на часы, передумала – некогда читать биографию Северова и некогда разглядывать его нынешние фотографии. Плохо, плохо, а что делать, не откладывая же охоту до следующей недели!

– Максим Юрьевич, дождитесь меня... пожалуйста, дождитесь... очень хочется познакомиться и узнать, как много добра вы уже совершили...

* * *

Алиса вышла на улицу и посмотрела на красный «Ford Focus», припаркованный неподалеку от подъезда. Мамуля уехала, и теперь можно без проблем пользоваться ее средством передвижения. Ключи есть, права есть, доверенность есть. Но вероятность застрять в пробке слишком велика, да и опыта вождения не так уж много – спокойнее автобусом

и метро.

«Лучше не рисковать», – промелькнуло в голове Алисы и, пройдя по разрисованному мелкими тротуару, она свернула к остановке.

Август выдался теплый, и в ветровке что утром, что во второй половине дня было жарко, но облегчать одежду Алиса не стала. Так привычнее и спокойнее. Хотя образ гламурной рассеянной фанатки тоже бы подошел. Ах, можно у вас взять автограф, ах, можно с вами сфотографироваться!.. Не-е-е, это же надо лезть в шкаф маман, напяливать на себя юбку-мини, блестящую полупрозрачную кофточку... Фотоаппарат будет уж слишком выделяться – больно хорош, вряд ли такой может быть у мимо проходящей восторженной дурочки. Подумают – журналистка, а это ни к чему. А так – спортивная девчонка, якобы сторонница здорового образа жизни, интересуется политикой, болеет душой за будущее России (хм... главное – окончательно не потерять связь с реальностью), по всем параметрам является представительницей продвинутой молодежи. Алиса хмыкнула и, зайдя в автобус, села у окна.

Сегодня особого улова не будет, она просто разведает обстановку, понаблюдает за Северовым и постарается разузнать, где он живет. Как? Непонятно. А с другой стороны, вдруг он приехал на раздачу автографов не один и в машине его ждет длинноногая королева какого-нибудь конкурса красоты. Всех мужиков тянет на глянец... на чудо-бабочек

их тянет... и Северов наверняка не исключение. Может, ему и нужна положительная жена, и он себе такую найдет, и даже скрипя зубами будет сохранять ей верность, но пока... пока свободен – без сомнений, снимает с жизни сливки и столовой ложкой отправляет их в рот. Мужик у власти – этим все сказано.

– Да, – подтвердила вслух свои мысли Алиса и, выйдя на нужной остановке, поспешила к метро.

Культурный центр представлял собой простенькое серое здание, окруженное афишами и иномарками. Здесь проходили различные тренинги, творческие вечера, презентации, семинары, читались лекции и пудрились мозги томящимся гражданам. (*«15августа состоится встреча с целительницей Ираидой Белой» ... Ну, все понятно*).

Пробежавшись взглядом по плакатам, Алиса сконцентрировала внимание на огромном портрете депутата Максима Юрьевича Северова. Да, она видела раньше это лицо – в каком-то журнале, газете... смутное воспоминание. Что же вы его так отретушировали? – лицо оранжево-розовое, морщин практически нет. Глаза... Вот глаза настоящие.

– Не надо на меня так смотреть, Максим Юрьевич, – покачала головой Алиса, подойдя к плакату вплотную, – должен же кто-то указать на ваши ошибки...

Резко развернувшись, она осмотрела близлежащую территорию. Странно – никакой охраны на улице нет, а впрочем, сейчас модно подчеркивать близость к народу – два-три те-

лохранителя за спиной и «о чем вы говорите, я такой же, как и вы». Козел. Заранее козел по все пунктам.

Алиса достала сигарету и с удовольствием закурила. Азарт вместе с дымом влетел в легкие, и на лице появилась жесткая улыбка. Рука дернулась сначала к бейсболке (волосы не торчат), затем к замочку молнии ветровки. Вжик – вниз. Фотоаппарат прятать бесполезно, да и не надо его прятать. Она – поклонница Северова, как и он, мечтает нести добро в массы... И еще мечтает сфотографироваться со своим ку-миром.

Далеко идти не пришлось – прямо на первом этаже в просторном зале проходила вялая презентация книги: три сто-ла со стопками «бестселлера», несколько человек в мягких креслах, кучка молодежи возле одной из колонн и разноцвет-ная толпа женщин (без сомнения, влюбленные по уши в де-путата дамочки). И всего один телохранитель! Ух ты! Да вы, Максим Юрьевич, не робкого десятка будете!

Стараясь разглядеть за дамами Северова, Алиса вытянула шею. Ни фи́га не видно! Надо купить книгу и лезть за авто-графом.

– Извините, – обратилась она к девушке с бейджиком на груди. – А сколько стоит «Право вершить добро»?

– Ну что вы, Максим Юрьевич раздает книги бесплатно.

– А две можно взять?

– Если вам нужно...

– Я поняла, спасибо. Честно говоря, не сомневалась в

щедрости Максима Юрьевича, – Алиса закивала и, протянув руку, взяла одну книгу. Лишняя макулатура ей не нужна. – Я собиралась приехать с мамой, но она не смогла...

– Будем рады увидеть вашу маму в следующую пятницу, – радушно сказала девушка.

– О! Я обязательно передам ей, – ответила Алиса и обернулась.

На нее смотрел телохранитель Северова. Пристально смотрел. Высокий парень, худой, интеллигентного вида. Черный костюм, руки за спиной.

«Ну, смотри, смотри... никто тебе не мешает. А я сейчас возьму автограф у твоего босса и задам пару-тройку вопросов относительно его программы. Каким он там образом собирается двигать Россию вперед? Черт, тухлая вечеринка, зацепиться не за что».

Протиснувшись между дамочек, бурно обсуждающих политические вопросы (делать им нечего!), Алиса приблизилась к массивному столу, за которым восседал сам депутат и писатель. Встав в очередь, она отклонилась в сторону и посмотрела на Северова. Он, точно чувствуя на себе изучающий взгляд, закрыл книгу, протянул ее опрятной блондинке и, откинувшись на спинку кресла, повернул голову налево. Но его взгляд скользнул мимо Алисы.

«Сколько ему лет?» – удивленно подумала она, отмечая и седину на висках, и морщины на лбу. На фотографии, которая раньше лежала в Ларце Удачи, а теперь покоится во

внутреннем кармане ветровки, Северов совсем молодой, а здесь... Зато по-прежнему очень похож на Джорджа Клуни. Мамуля сказала, прошло больше десяти лет. Больше – это сколько?

– Подпишите, пожалуйста, – попросила Алиса, когда подошла очередь, и, чтобы ее фотоаппарат не вызывал ни у кого вопросов, добавила: – А можно с вами сфотографироваться? Я издалека приехала... так хочется снимок на память.

– Конечно, можно, – Северов улыбнулся. Широко и профессионально. – Поможешь? – он обернулся к своему телохранителю.

Тот подошел и молча протянул руку.

– Вы, пожалуйста, на эту кнопку нажмите и больше ни на что не нажимайте, – провела инструктаж Алиса. – Мне этот фотоаппарат папа подарил, и я еще не разобралась, как им пользоваться.

Почти правда. Лучше изображать простую наивную особу.

Щелк, и готово. Северов вернулся к столу, а Алиса, прижав руку к груди, с радостным выражением лица двинулась к выходу. Уши старательно впитывали смесь разговоров, глаза бегали по сторонам – ну же, поделитесь чем-нибудь интересным.

«...до чего же хорош, и не жадный...»

«...мне такие приятные слова написал...»

«...не зря приехали, да? Если бы все депутаты были таки-

ми, мы бы давно забыли, что такое преступность и безработица...»

«...книжку я еще неделю назад купила и прочитала... абсолютно все по делу...»

«...не женат, но, кажется, его холостая жизнь скоро закончится...»

Стоп! Алиса замерла и для конспирации уставилась на стенд с расписанием мероприятий, намеченных на август.

«...она преподает в институте, больше ничего не знаю...»

Эх, а так все замечательно начиналось! Алиса обернулась. Телохранитель Северова продолжал сверлить ее взглядом.

– Да пошел ты, – буркнула она и направилась к выходу. Рука юркнула в карман – поближе к пачке сигарет.

Глупо, глупо было надеяться на везение, и, похоже, Северов уже подобрал себе достойную невесту. Раздобыть бы ее фотографию... хоть какую-нибудь для начала. И все-то у него продумано – сидит за столом в окружении поклонниц – любо-дорого посмотреть. Депутат, писатель и друг! Фу.

– А позвольте мне вас поцеловать! – раздался визгливый возглас за спиной. Алиса резко развернулась, автоматически вцепилась в фотоаппарат и метнулась за колонну. – Максим, я обожаю вас, Максим!!! Вы такой мужчина! Такой мужчина!!!

Крепенькая девица в красных брюках с заниженной талией и розовой футболке, усыпанной бусинками и блестками, подняв руки, ломанулась вперед. Голый живот и бока сво-

ей белизной и округлостью притягивали взгляд и намекали на то, что их обладательница увлекается сладким, мучным и жирным.

– Я жить без вас не могу!!! – замотала головой девица и, рухнув на стол, обвила руками шею изрядно напрягшегося депутата.

Алиса вскинула фотоаппарат. Первый кадр, второй, третий...

– Я хочу от вас ребенка!!!

Но Северов, кажется, не хотел... Без сомнения, он бы с радостью отпихнул истеричку, но разве позволишь себе такую роскошь на глазах у обалдевших поклонников и поклонниц. Максим Юрьевич прилепил к лицу натянутую улыбку и осторожно попытался убрать руки девицы со своей шеи. Не получилось.

Телохранитель, видимо, на этот счет имел четкие указания, потому что тоже никаких особых действий не совершил. Только подошел поближе к своему боссу и что-то спокойно произнес, наверное, пытался достучаться до разума дебоширки.

– Только один поцелуй! Умоляю – только один поцелуй!!!

– О, лобзай ее, лобзай, – тихо усмехнулась Алиса и добавила: – Жалко тебе, что ли...

Девица заерзала голым животом по столу и завилыла попой, обтянутой красными брючками, точно голодный Тузик хвостиком перед куском ароматной колбасы. Несколько книг

с глухим стуком упали на пол.

Четвертый кадр, пятый, шестой...

Народ расступился. Кто-то охал, кто-то хихикал, кто-то, раскрыв рот, с удовольствием впитывал сочную сцену.

– Хочу ребенка!!! – завизжала девица и, вытянув губы трубочкой, дернулась вперед, навстречу любимому депутату.

Больше кадры Алиса не считала – щелкала, щелкала, щелкала.

– Я попрошу вас успокоиться, – громко отчеканил Северов, понимая, что спектакль затянулся.

Его слова стали командой для телохранителя, тот подошел к столу и положил руку на плечо девицы.

– Не трогайте меня! – Она отмахнулась, и депутат, пользуясь тем, что хватка ослабла вполовину, резко встал. Теперь он был свободен.

«Жаль, очень жаль, что она не успела тебя облюбовать», – подумала Алиса.

– Я провожу вас, – ровно сказал телохранитель, подхватывая неадекватную фанатку под локоть и помогая ей слезть со стола.

От разочарования и переизбытка эмоций побледневшая девица потеряла ориентиры и силы. Выпрямившись, она несколько раз качнулась, издала тоненькое и продолжительное «о-о-ох» и медленно осела на пол, теряя сознание. Три девушки с бейджиками на груди с разных углов зала устре-

мились к месту презабавных событий. Алиса же, прикинув, что пора сматываться, не торопясь, стараясь не привлекать внимания, зашагала к двери. Классная получилась вылазка. Классная!

Спустившись по малочисленным ступенькам подъезда, она вновь подошла к рекламному плакату с портретом Северова и пообещала:

– Бессонные ночи вам, Максим Юрьевич, гарантированы.

Настроение было таким прекрасным, что до метро Алиса решила прогуляться пешком. Всего-то три остановки, а если дворами, то вообще быстро получится.

Дождавшись, когда на светофоре зажжется зеленый для пешеходов, она перешла улицу, купила в ларьке маленькую бутылочку пепси и плюшку с маком. Организм требовал отбивную, картошку и салат из свежих овощей, но чего нет – того нет. Как назло, ни одной забегаловки с фастфудом поблизости.

Книга «Право вершить добро» весьма мешала предстоящей трапезе и поэтому без лишних размышлений была отправлена на дно грязно-зеленой урны.

Сделав несколько глотков газировки, Алиса пошла вдоль проезжей части, прикидывая, где лучше свернуть. Миновав киоск с прессой и закрытый на ремонт продуктовый магазин, она остановилась около фонарного столба и, предвкушая наслаждение мягкой сдобой, сняла с плюшки целлофа-

новую обертку...

Через секунду показалась серебристая морда «BMW». Искрящаяся на солнце иномарка сначала поравнялась с Алисой, затем медленно проехала еще метр и замерла. Хлоп, хлоп – двери. Из машины вышли Северов и телохранитель.

Алиса почувствовала, как холодеет в груди, и, старательно изображая беззаботность, жадно откусила булку. Бежать? Нет, это приговор – значит, она виновата. Хотя забавно было бы посмотреть, как за ней припустит депутат Государственной думы. Не, не припустит, для этого есть натренированный телохранитель. Этот догонит...

– Здравствуйте, – Северов улыбнулся и встал по правую руку. – Полагаю, вы знаете, как меня зовут, но я все же представлюсь – Северов Максим Юрьевич. Позвольте узнать ваше имя?

– Ира, – на всякий случай соврала Алиса, дожевывая плюшку. В голове мелькнула шальная мысль: а не повторить ли подвиг той безумной девицы, не броситься ли на депутата с воплями «хочу ребенка!!!». Прохожих поблизости нет, но, возможно, это привлечет кого-нибудь с противоположной стороны дороги. Хотя зачем орать, ничего политикан ей не сделает, за репутацию побоится.

– Я видел, что вы фотографировали происходящее в центре... – мягко начал Северов. – Собственно, ничего страшного не произошло, но инцидент лично для меня прискорбный. Представьте мои ощущения... Я общаюсь с приятными

людьми, отвечаю на вопросы, стараюсь дать совет, оказать хотя бы психологическую помощь тому, кому она требуется, а плохо воспитанная девушка устраивает безобразную сцену и срывает мероприятие.

Телохранитель подошел ближе и встал по левую руку.

– Угу, – согласилась Алиса с вышесказанным.

– Ирина, у меня к вам большая просьба, давайте удалим снимки из вашего фотоаппарата. Я не думаю, что они уж настолько вам нужны, а мне будет спокойнее. Вы же видели, я не обыскивал каждого входящего и старался изо всех сил лишить встречу официальности...

Алиса подняла голову и внимательно посмотрела на Северова. Короткая стрижка, редкая седина, лицо открытое, такое бывает у путешественников, темные глаза и вокруг них морщинки, и на лбу морщины. Ухоженный, хорошо пахнущий. И еще – изворотливый.

«– А когда это было? Сколько лет снимку?»

– Да больше десяти лет! Я хорошо получилась, правда?»

Ах, мамуля, мамуля... Кокетничала! На комплимент нарывалась! Да Северову уже перевалило за сорок, а на фотографии он совсем молоденький...

– ...я не любитель скандалов, и мне будет неприятно, если желтая пресса начнет раздувать из мухи слона. Мало ли... Вдруг каким-нибудь невероятным образом фотографии попадут в руки беспринципного человека – всякое в жизни случается. Я не имею в виду вас...

– А если я откажусь? – спросила Алиса.

– Ну, зачем же вы так, – покачал головой Северов, – я полагал, мы сможем договориться.

– Максим Юрьевич, извините, меня ждут дома. Мама, наверное, волнуется... я, пожалуй, пойду... А снимки я оставлю себе на память – обещаю никому их не показывать.

Алиса хотела шагнуть назад и развернуться, но маневр не удался – хранивший молчание телохранитель схватил ее за локоть и притянул к себе. Краем глаза она заметила, что Северов кивнул и нахмурился, по всей видимости, сейчас пойдет совсем другой разговор.

Безрезультатно дернув рукой, Алиса напонила себе о тете Свете и о мамуле, которые некогда знали депутата Государственной думы как облупленного. Нет, бояться нечего – стоит только «вынуть козырь из рукава», как все изменится. А фотографии жалко стирать, очень жалко!

– Кто тебя прислал следить за Максимом Юрьевичем? – холодно спросил телохранитель.

– Че-е-го? – протянула Алиса.

– Ты пришла в центр фонда с профессиональной фотокамерой, которая стоит кучу денег. Взяла книгу, попросила автограф, а, выйдя на улицу, выбросила ее в первую попавшуюся урну, – отчеканил телохранитель. – Снимки с этой ненормальной нас интересуют в меньшей степени, больше всего хочется узнать – кто тебя прислал?

Блин! Не надо было выбрасывать эту долбаную книгу!

Алиса сделала еще одну попытку вырваться, но бесполезно.

– Давайте сядем в машину и там спокойно поговорим, – торопливо произнес Северов.

– Нет, – мотнула головой Алиса. – Пошли к черту! Отпустите меня!

– Кто ты? – спокойно спросил телохранитель, игнорируя ее повышенный тон.

Кричать или не кричать? Поможет или не поможет? Согласиться и стереть кадры? Но им на самом деле не это нужно, и они не отстанут, пока не вытрясут из нее всего... не надо было, не надо было выбрасывать книгу... Значит, она вышла, а они следом. Следили, гады. Алиса посмотрела на зажатую в руке недоеденную плюшку, покосилась на бутылку пепси и прищурилась. «Врагу не сдается наш гордый „Варяг“, пощады никто не желает...» Пора, пора выводить на сцену тетю Свету и... мамулю.

– Кто ты? – на этот раз спросил Северов. – Кто ты?

«Хочу от вас ребенка! Хочу ребенка!!!» – так, кажется, кричала девица, хватая вас, Максим Юрьевич, за горло. Ха! Продолжим игру и посмотрим, как вы сейчас себя поведете».

– Я?.. – Алиса вздернула подбородок, встретилась взглядом с Северовым и громко произнесла: – Я ваша дочь.

Черные брови депутата Государственной думы взлетели на лоб. Он ожидал услышать историю про завистников, конкурентов, частных детективов и тому подобное, он бы не удивился, если бы стоящая рядом с ним девушка оказалась

киллером, но... дочь...

– Что???

– Я ваша дочь, – повторила Алиса, наслаждаясь произведенным эффектом.

Северов отступил на шаг, достал из кармана рубашки платок и промокнул выступивший на лице пот. Посмотрел на небо, затем на своего телохранителя, кашлянул и захохотал. Громко, искренне.

«Видимо, первый шок прошел», – про себя усмехнулась Алиса.

– Забавно, очень забавно, – замотал головой Максим Юрьевич, – и кто же та женщина, с которой... то есть, кто твоя мать?

Эх, жаль, спектакль подошел к концу. Впереди – облом. Сейчас она назовет имя мамули, и шутка перестанет быть острой.

– Дана Григорьевна Бестужева. В девичестве – Воробьева.

Реакция Северова удивила. Он не впал в задумчивость («а кто это?»), не продолжил раскатистый смех, не махнул рукой... Он остолбенел. Лицо на миг побелело, правая щека дернулась.

– Как? – тихо переспросил он. – Как зовут твою мать?

– Дана Григорьевна Бестужева, – откусив плюшку, повторила Алиса.

Максим Юрьевич Северов кашлянул, сунул платок мимо кармана, ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуго-

вицу рубашки, медленно протянул руку вперед и несколько секунд простоял так – не шевелясь, потом покачал головой и... сдернул с Алисы бейсболку.

Оранжевое облако кудрявых волос упало на плечи, протянув к себе горячие лучи солнца. Яркий, красивый беспорядок – такой редкий, такой знакомый...

Северов вздрогнул и, распахнув дверцу «BMW», скомандовал:

– В машину ее... Быстро!

Глава 3

*«Она не может быть моей дочерью», – скажет
Максим Юрьевич Северов.*

«Я остаюсь...» – скажет Алиса.

Она даже не поняла, как оказалась в машине. Вроде не толкали, не применяли силу... раз – и она на заднем сиденье «BMW» в обществе «интеллигентного» телохранителя депутата Северова. А сам Максим Юрьевич – за рулем.

«Офигеть», – подумала Алиса, машинально пристегиваясь ремнем безопасности. Это значит, у нее тоже случился секундный шок. Ну, еще бы, в таких-то обстоятельствах... «В машину ее... Быстро!» Нормально, да?

– Офигеть, – озвучила свои мысли Алиса и покосилась на телохранителя. Спокоен, как древняя мумия! Конечно, ему-то зачем волноваться... Хм, а имя мамули сработало совсем не так, как ожидалось... Может, надо было упомянуть еще и тетю Свету? До кучи – больше не меньше. – А где моя бейсболка? – поинтересовалась Алиса, отправив в затылок Северова остроконечный взгляд. – И давайте поедем тише – жить, знаете ли, все еще хочется.

– Да... я... м-м... конечно... – выдал в ответ Северов и сбавил скорость.

– Вы меня похитили, что ли?

– Нет, нет... а бейсболка рядом со мной... на соседнем сиденье.

Алиса хмыкнула, достала из кармана ветровки заколку, скрутила волосы в жгут и с поднятыми руками повернулась к телохранителю.

– Хватит на меня пялиться, – сказала она, щелкая заколкой. – Чего вам вообще от меня надо?

– Ира, я действительно был знаком с твоей матерью, – протянул Северов, – кстати, где она сейчас?

– Улетела в Сочи с молодым любовником, – съехидничала Алиса, уже жалея, что представилась Ириной. Да, с молодым, иных уже давно не было.

Машина вильнула вправо и почти сразу выровнялась.

– Давай будем считать, что я пригласил тебя в гости, – торопливо сказал Северов. – Ты мне расскажешь о себе и... вообще...

Прекрасно, свихнуться можно от этих умников. Одна говорит «ну ты понимаешь» и пихает в сумку красный полупрозрачный пеньюар. Второй тянет «вообще» и везет неизвестно куда... И есть еще третий, который сидит рядом и молчит, точно происходящее его вообще не касается, но одно резкое движение – и он дернется в ее сторону, в этом можно не сомневаться... Хотя ситуация стремительно меняется. Депутат нервничает, и, похоже, в голове у него сейчас манная каша. Ну-ну, так тебе и надо, а то привык избирателям лапшу на уши вешать – вот и побудь на их месте.

Страх от чего-то не было. Почти не было. Внутри у Алисы все подрагивало, гремело, точно она неслась вверх-вниз по американским горкам, но, несмотря на это, в душе присутствовала стойкая уверенность – вреда ей никто не причинит.

– Я, кстати, сказала тете Свете... Лимоновой, маминой подруге, что поехала на встречу с вами, – на всякий случай соврала Алиса, почесав нос ладонью. Теперь можно окончательно успокоиться – депутат с телохранителем ее не прибивют.

– Ира, я еще раз прошу прощения за свое резкое поведение. Наверное, я устал, да и ненормальная девица с истерикой и объятиями выбила меня из колеи...

– А фотографии я могу себе оставить? – перебила Алиса, чувствуя виноватые нотки в голосе Северова.

– Оставь, если они тебе так нужны.

– Вот и отлично, а теперь остановите машину, я никуда не собираюсь с вами ехать. – Она застегнула молнию ветровки и посмотрела в окно. Здравствуй, МКАД...

– Я прекрасно понимаю твой настрой, но... до моего дома рукой подать. Мы выпьем кофе, поговорим... А сколько тебе лет?

– Двадцать один, – ответила Алиса и... замерла. О-па! О-па-па! А что вообще происходит?

Действительность на нее обрушилась Ниагарским водопадом. Все так быстро и странно получилось, что она не до конца осознала случившееся. Она сказала – «я ваша дочь», на-

звала имя мамули... и... и депутат Государственной думы Максим Юрьевич Северов поверил. Так, что ли? И сейчас он молчит, вцепившись в руль... Молчит, потому что выполняет простые математические расчеты! Отнимает двадцать один год и вспоминает, вспоминает, вспоминает!

У-у-у, это в каких же отношениях вы, гражданин Северов, были с Даной Григорьевной Бестужевой, в девичестве Воробьевой? Алиса посмотрела на депутата с удивлением и мысленно произнесла только одно слово: «офигеть...». О-го-го...

Кажется, на время она сможет стать хозяйкой положения... Конечно, он ей никакой не отец, но почему бы не попудрить мозги этому напыщенному лощеному любителю власти... И, кажется, есть еще надежда раздобыть про Северова что-нибудь занимательное...

– Вы правы, Максим Юрьевич, – бодро произнесла Алиса, вновь поглядывая в окно, – мне лучше поехать к вам в гости – нам есть о чем поговорить, все-таки двадцать один год не виделись. И больше не называйте меня Иррой. Я – Алиса.
«Лиса Алиса», – добавила она про себя и улыбнулась.

* * *

Максим Юрьевич сел за стол, обхватил голову руками и на миг зажмурился:

– Рыжие волосы... рыжие... Такие же, как и у нее... Бо-

же мой, сколько лет прошло... Алиса... Имя совершенно дурацкое! Впрочем, другого Дана выбрать и не могла! У нее все шиворот-навыворот, все через край! – Северов хлопнул ладонью по столу, вскочил и заходил по кабинету. – Знаю, знаю, я свалил дурака и повел себя как последний идиот. Зачем-то запихнул девчонку в машину, задавал ей ненужные вопросы и нервничал зачем-то... Алиса. Она не может быть моей дочерью... Костя, ты слышишь? Не может!

– Слышу. Если вы в этом уверены на сто процентов, то...

– В таких делах нельзя быть уверенным на сто процентов!

То есть – да, я уверен.

– Сколько лет назад у вас были отношения с ее матерью?

– В том-то и дело, что точно я не помню! – Северов остановился, всплеснул руками. – Давно, очень давно. Я учился в институте. На каком курсе? М-м-м... На третьем... на втором... Черт его знает на каком! Костя, что делать? Скажи, что мне делать?!

– Вам надо успокоиться. Посмотрите на ситуацию с другой стороны. Молоденькая девушка разыскивает вас и называет своим отцом. Ну и что? Может, у нее проблемы с психикой, или богатое воображение, или проснулось острое желание занять известного папочку – услышала что-то от матери и побежала ловить удачу. Почему вы так разволновались? Относитесь к этому проще, не первый раз на вашем пути появляются неадекватные люди.

– Почему... почему... – пробормотал Максим Юрьевич,

хмурясь. – Потому что взрослая, рожденная в чужом браке дочь, похожая на бродячего музыканта, мне абсолютно ни к чему. Я слишком много достиг и не хочу, чтобы мои противники, воспользовавшись ситуацией, испортили мою политическую карьеру. И еще я не хочу терять место лидера партии – это моя жизнь, мое будущее! Я и глазом не успею моргнуть, как на меня выльют ушат дерьма, а еще неизвестно, чего ожидать от Алисы и ее матери! Она не может быть моей дочерью, не может! – Северов оглядел кабинет, пытаюсь вспомнить, где хранятся фотоальбомы, подошел к угловому шкафу и выдвинул одну из нижних секций (колесики бесшумно скользнули по ковровому покрытию и остановились), и добавил: – Необходимо найти хоть что-нибудь, хоть что-нибудь, опровергающее это безумие. Когда я встречался с Даной? Когда?..

– Алиса упоминала Светлану Лимонову, вы с ней знакомы?

– Да, но я не видел ее миллион лет, изредка общаюсь с ее двоюродным братом... – Максим Юрьевич выпрямился. – Думаешь, позвонить и все выяснить?

– Привлекать посторонних людей пока не стоит, – ответил Костя, – пока лучше обходиться своими силами.

– Ты прав, ты, конечно же, прав, – горячо ответил Северов, вынимая из глубокого ящика фотоальбомы и пухлый конверт с открытками. – Если бы не мать, я бы давно это ба-

рахло выбросил, но она свято верит, что однажды я напишу мемуары, трясется над каждой бумажкой и твердит: «Пригодится, пригодится, пригодится». Костя, у меня нет друзей, Тамару посвящать в свое прошлое я не намерен, вряд ли ей стоит слушать истории о других женщинах, ты единственный человек, которому я могу всецело доверять...

– Вы можете на меня положиться, – перебил Костя, понимая, куда клонит его начальник, – не в первый раз...

Константину Дубровину в этом году исполнилось тридцать. В детстве он мечтал стать футболистом, летчиком и археологом. «Только через мой труп», – каждый раз говорила мама и для верности хваталась правой рукой за горло, а левой за сердце. Не для того она отвела сына в музыкальную школу, не для того дополнительно нанимала репетиторов, чтобы ее единственное чадо бегало по полю с мячом, бороздило в железной посудине небо и ковырялось в земле совком. Нет и еще раз нет! Ее мальчик станет известным пианистом – впереди концерты, зарубежные поездки и всемирная слава!

Костик любил музыку, но не настолько... Устав от споров, скандалов и черно-белых клавиш, он отчасти назло, отчасти в поисках желанной свободы (куда подальше из дома) решительно направился в военкомат. «Нет!!!» – вскричала убитая горем мать и скоропалительно вышла замуж за соседа по дачному участку.

Спортивным телосложением Костя не отличался (костюм

на школьном выпускном вечере смотрелся на нем мешковато), но на рост, реакцию, выносливость жаловаться не приходилось. И благодаря этим качествам, а также уму и упорству служба в армии не была тяжелой. Да плюс еще кареглазая медсестра, обожающая ямочку на его правой щеке...

Через два года Костя вернулся в Москву окрепшим, уверенным в себе мужчиной. Плечи в ширину особо не раздались, длинные тонкие пальцы по-прежнему выдавали некогда полученное музыкальное образование, но взгляд стал быстрым и жестким, руки сильными, шаг твердым. Теперь он знал, чего хочет, и собирался добиться этого во что бы то ни стало, а именно – самостоятельной жизни и диплома о высшем образовании. Неведомая ранее жажда знаний скрутила душу в бараний рог и потребовала немедленных жертвоприношений.

Вспомнив о школьных годах чудесных, о некогда полученной золотой медали, Костя обложился книгами, учебниками и с первого раза поступил в МГУ на экономический факультет. «Сынок, возможно, я еще смогу тобой гордиться», – сказала мама, угощая его собственноручно выращенными огурчиками. После замужества она практически безвылазно обитала на даче. «Возможно», – ответил Костя, размышляя, где бы раздобыть денег (на стипендию не слишком-то разгуляешься).

Но работу долго искать не пришлось – повезло. Друг устроил охранником в элитный спортивный клуб, где жела-

ющие могли отточить фигуру на тренажерах и в шейп-залах, овладеть боевыми искусствами, получить удовольствие от массажа, поболтать за чашкой кофе в баре или позагорать в солярии. Вот как раз единоборствами Костя и увлекся и в дальнейшем гармонично совмещал учебу, работу и тренировки. Жизнь потекла плавно, размеренно.

На личном фронте у Константина Дубровина вообще никаких проблем никогда не было. Интеллигентная внешность и сбивающая с толку внутренняя сила так удачно переплетались, так поражали, что конфетно-букетный период случался редко – девушки обычно требовали всего и сразу. Нагулявшись после армии, окончив институт, устроившись на перспективное место в торговую фирму, Костя стал более сдержанным и разборчивым. Теперь романы были редкими и продолжительными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.